

«Эзоповы басни» (Αἰσωτεῖον)

Диоген Лаэртский¹ сообщает, что Деметрий Фалерский издал собрание «Эзоповых басен». Другие подтверждения этому свидетельству нам на сегодняшний момент неизвестны.

Был ли Эзоп исторической личностью или героем вымышленного мифа, немалым почти настолько же, насколько легенда ослепляла Гомера, - крайне любопытная тема. Кому верить больше – Геродоту, наделявшему Эзопа вполне правдоподобной биографией, или ее полной противоположности - апокрифическому житийному вымыслу, сложившемуся на стыке эр в среде, далекой от академических кругов?

В классической античности больше верили первому. Гераклид Понтийский сообщает нам подробности не только жизни Эзопа: *«Эзоп, автор басен, был тогда знаменит. Он был фракийцем по расе; сначала он был рабом Ксанфа, и Идмон мудрый даровал ему свободу»*², но и его смерти: *«Говорят, это случилось и с Эзопом, так как он был убит по обвинению в ограблении храма после того, как в его постели был обнаружен золотой сосуд»*³.

При всей перспективности параллелей между Эзопом и современными Деметрию Фалерскому киниками - например, Диогеном, тоже уроженцем дальней окраины греческого мира⁴, рабом по социальному статусу (только не на Самосе, как получилось у Эзопа, а в Коринфе и Афинах), - мы должны отказаться от такого соблазна. Это второстепенные подробности, лишённые определяющего значения.

Эзоп не писал басен, он их сочинял и рассказывал. Говорить о какой-то одновременной письменной фиксации их текстов не приходится. Изначально существовала только устная традиция. Те или иные сборники приписываемых ему басен появились позже. Например, если верить Аристофану в «Птицах», в его время в Афинах уже существовало некое «избранное» Эзопа; один персонаж комедии, Писфетер, упрекает другого, Эвельпида, в пренебрежении сочинениями Эзопа (*«А ведь всё оттого, что невежествен ты, не читал сочинений Эзопа»*). Но, конечно, всерьез приписывать их все Эзопу сложно.

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, IX, 5.80, перевод М.Л.Гаспарова.

² FHG, II, 215

³ FHG, II, 219

⁴ Пафлагонский Синоп был дальше фригийского Котия, лидийских Сард или фракийской Месембри, ныне болгарского Несебра, куда благодаря Гераклиду помещали родину Эзопа. Сошлемся на Евгиона Самосского: *«(Эзоп) был Самосским или Сардийским, но Эвгион сказал «месембрийский»; другие, Фригийский или котийский. Котуаean»* (F 4 Suda, s.v. Αἰσωλος (AI 334). Правда, бытовала версия и о его африканском происхождении, но она практически никогда не преобладала над первыми двумя названными.

Так повелось – в силу не до конца нам известных причин и обстоятельств. Не считать же в полном смысле эзоповской басню «Демад», рассказчик которой, афинский оратор, о котором мы достаточно писали в первом разделе книги, жил во времена Деметрия Фалерского. Почти любые (при условии их краткости) объяснительные либо аллегорические сюжеты с назидательным подтекстом либо прямым морализаторским выводом, будь то сценки с животными, переосмысленные (порой даже сатирически) фрагменты мифов, анекдоты и т.п. с некоторых пор стали связываться в Греции с его именем. Обсуждать в нашем случае можно не конкретного автора басен, а только определенный тип коротких дидактических/наставительно-поучительных сочинений, подобие, своеобразную метонимию. Эзоп для басен просто стал именем нарицательным.

Оттого смысл углубления в известный «эзопов вопрос» в нашем случае довольно узок. Следует понять, как соотносятся первоначальный корпус «Эзоповых басен», опубликованных Деметрием Фалерским, со всеми последующими изводами (в текстологическом смысле) этого литературного памятника, и может ли он считаться первоисточником для них.

Мировая «Эзопика» весьма обширна. Augustana, Vindobonensis и Accursiana, Romulus, Anthologia Planudea, переложения Федра, Бабрия, собрания псевдо-Досифея, Афтония, Авиана, примеры из Фемистия, Либания, Лукиана, Максима Тирского, Григория Назианзина и т.д., различные папирусы из музейных собраний (Rylands Papyrus; Codex Vat. Urb. Gr. I35, saec. XV; Codex Vat. Pal. Lat. 1378, saec. XV; Codex Parisinus 690; нашедшийся в недрах Pierpont Morgan Library codex 397 из библиотеки монастыря Санта-Мария-де-Гроттаферрата, откуда его в свое время бессовестно умыкнули мародеры Наполеона). Есть еще Стобей, Синтипа, патриарх Фотий и т.д.

К счастью, эту проблему более чем удовлетворительным образом уже решило классическое литературоведение - Аугустус Хаусрат, Бен Эдвин Перри, Франсиско Родригес Адрадос, Мортен Ньюгаард, Герт-Ян ван Дейк и другие.⁵

Нам остается только высказать соображения относительно хронологии появления «Эзопики» Деметрия Фалерского. Она окончательно не установлена, и нет серьезных оснований исключать из рассмотрения те или иные временные промежутки его биографии.

Существуют самые разные точки зрения.

---

⁵ Мы в большей степени опирались на труды Перри («Studies in the Text History of the Life and Fables of Aesop» издания 1936 года и первый том «Aesopica» издания Иллинойского университета 1956 года), Адрадоса (капитальная трехтомная «Historia de la fabula greco-latina» в английском переводе Лесли А.Рэй) и ван Дейка («Ainoi, logoi, mythoi»: Fables in Archaic, Classical, and Hellenistic Greek Literature. With a Study of the Theory and Terminology of the Genre»). Первый даже уделил интересующему нас предмету отдельное внимание, написав фундаментальную, невзирая на формат, статью «Demetrius of Phalerum and the Aesopic Fables» (издание 1962 года в серии TAPA). Второй сделал это в шестой главе второй части первого тома «Historia ...»

Можно отнести эту работу к фиванскому периоду, когда у Деметрия было для неё в избытке свободного времени (но не моральных сил).⁶

Или примерно с теми же основаниями – и самый склон его жизни, начиная с кончины первого Птолемея и до упокоения самого фалерца «в Бусиридском номе близ Диосполя»⁷. Кстати, так поступает Леон Эррманн – назовем его статью «*Quelques fables de Demetrios de Phalère*» в «*L'antiquité classique*»⁸.

Нас не совсем устраивает его аргументация и умозаключения на основе косвенных соображений и аналогий. Так, сопоставляя лукиановские «Рыбак, или восставшие из гробов» и «Оправдательное письмо» с «Юпитером и лисой» Федра в виссенбургской рукописи, Эррманн постулирует у них наличие общего источника, каковой видит в «Эзопике» Деметрия Фалерского. Мы не имеем возражений против этого тезиса по существу, однако не тогда, когда отправной точкой для него становятся жук-скарабей из федровской басни и Клеопатра «Оправдательного письма», будто бы указывающие на Египет.

Как и чем связать с Деметрием Клеопатру, нам решительно непонятно. Она для интересующего нас времени – явный анахронизм.

Что же касается навозного жука-скарабея, то ту или иную разновидность этого насекомого семейства пластинчатоусых знавали греки и вне какой-либо связи с Египтом. Например, в сатировой драме Софокла «Следопыты» упоминается, что «на склонах Этны водится рогатый жук»⁹. *«Возможно, что этот экзотический вид насекомых, распространенный на Сицилии, не был представлен в Афинах (и шире – в Эгейском бассейне) в сер. V в. Впервые он встречается у сицилийского комедиографа Эпихарма (сер. VI в. – 460-е гг.): CGF I.1 Frag. 76ю 1-2 (Kaibel). Но данный вид жука-навозника (Scarabeus pitularius), выдающегося своими особенно большими размерами, многократно отмечен в V в. У афинских драматургов. Зелинский полагал, что афиняне могли узнать об этнейском жуке от Эсхила, бывавшего на Сицилии и познакомившегося там с невиданной диковинкой. Этому мнению есть подтверждение: этнейский жук встречается в сатировой драме «Сизиф-камнекат» (Σίσυφος Πετροκλύστης), поставленной, вероятно, между 470 и 458 гг. (с момента первого визита Эсхила ко двору Гиерона Сиракузского и окончательным переездом поэта на Сицилию). Великий и безнадежный труд Сизифа сравнивается здесь драматургом с кропотливой деятельностью огромного жука: «Этнейский жук в*

---

⁶ Если, разумеется, исходить из иной посылки, нежели мы в главе об александрийском периоде Деметрия Фалерского.

⁷ Так у Диогена Лаэртского – V, 5, 79. У нас в александрийском разделе этот вопрос рассматривается отдельно.

⁸ Tome 19, fasc. 1, 1950. pp. 5-11.

⁹ Софокл. Драмы. М., 1914, Т.3, С.179, перевод Ф.Ф.Зелинского с уточнениями В.Н.Ярхо.

трудах могучий силою» (пер. М.Л.Гаспарова; Αἰτναῖός ἐστι κάνθαρος βίαι πόνων, Aesch. Frag. 385 (Mette) = Schol. In Aristoph. Pax 73 [Frag.76 (Kaibel)]).

Софокл упоминает этнейского жука еще в одной сатировой драме – в «Дедале» (Frag. 162. 1-2 TGF [Radt]). Здоровенный этнейский жук называется также в «Мире» Аристофана (Αἰτναῖον μέγιστον κάνθαρον, Pax 73). Герой этой комедии Тригей делает навозного жука гиппокантаром (ἰπποκάνθαρος), т.е. огромным коне-жуком, на котором Тригей всюду разъезжает (ibid. 74 sqq., 143 et passim). Из более поздних авторов укажем на Гесихия, который в словаре редких греческих слов только упоминает это экзотическое насекомое (Hesych. Lex., s.v. κάνθαροι Αἰτναῖοι, K 658)».¹⁰

Мы не готовы отдать свой голос в пользу версии Эрмана о настолько позднем обращении Деметрия Фалерского к басням Эзопа. Не видим для этого повода. К тому же, если Деметрий в тот промежуток времени попал в опалу у Филадельфа, о какой его реальной издательской инициативе может идти речь?

Предложим свое видение этого вопроса, впрочем, согласующееся, с точкой зрения Перри. Более подходящим и естественным для появления деметриевской «Эзопики» нам представляется, напротив, его афинский период, причем самое начало.¹¹ По ряду причин.

Эгейский мир в четвертом столетии до нашей эры постепенно утратил прежнюю биполярность. Гегемонию Спарты и Афин нарушили сначала Фивы, а затем и Македония. И литература тогда испытывала явную потребность в поиске новой разговорной интонации и приспособлении её к изменяющимся реалиями общественного развития. Эпос и высокая классическая трагедия сдавали свои позиции.

На их место заступали более камерные и чуткие к приземленной повседневности жанры и форматы. Языком притчи и Эзоповой басни в Афинах заговорили все – историки, философы, драматурги.

Например, Демокрит – не исключено, что в сочинении афинского периода - вспомнил эзоповскую «Собаку и кусок мяса».¹² По свидетельству Платона, к Эзоповым басням на склоне лет обратился даже Сократ: **«Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, — Эзоповы басни. Я знал их наизусть и первые же, какие пришли мне на память, переложил стихами»**¹³. Что уж тут говорить об афинской комедии? Аристофана мы уже упоминали выше. Известно, что не

¹⁰ А.А.Синицын. Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) – в: Античный мир и археология, 2006, С.372-3.

¹¹ У Перри – «либо до, либо в период его регентства в Афинах» (первый же абзац упомянутой выше статьи «Demetrius of Phalerum and the Aesopic Fables»).

¹² «Желание большего приводит к потере того, что имеешь, будучи подобно Эзоповой собаке» - перевод А.О.Маковельского – в: А.О. Маковельский. Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, с. 313 (под номером 396. - III 10,68).

¹³ Платон. Федон», 61b – перевод С.П.Маркиша.

чурался басенных сюжетов Страттид. Еще одному комедиографу - Александру принадлежала комедия «Эзоп», в которой он даже свёл на сцене Солона и сочинителя басен с Самоса.

Перипатетики сделали басню предметом теоретических штудий. Этот жанр вполне подходил их излюбленной методологии.

Аристотель говорил о басне в «Риторике»¹⁴ как об одном из двух основных – наряду с энтимемой, которой он посвятил отдельные сочинения "Риторические энтимемы» и "Разделения энтимем", - способов риторического убеждения. Из этой посылки Стагирита выросли средневековые экзампла.

По Диогену Лаэртскому, у Феофраста в списке сочинений значится некий «Акихар» - вполне вероятно, трактат об известном персонаже ассирийского (вавилонского) сказания, эллинизированного, как полагают, при самом деятельном участии вышеупомянутого Демокрита, *«ученика каких-то магов и халдеев, которых царь Ксеркс оставил наставниками у его отца»* (как его поименовал тот же Диоген¹⁵). Феофрастовский труд об Акихаре не сохранился, и нам сложно говорить о его содержании с необходимой определенностью. Однако у древней легенды обнаруживается слишком много параллелей-совпадений с планудовской «Жизнью Эзопа», чтобы это могло считаться простой случайностью. Она выглядит образцом, заготовкой-моделью сюжетной канвы для второй. И потому не стоит исключать из рассмотрения вероятность того, что и Феофраст не обошел своим вниманием особенности биографии и творчества Эзопа и генезиса басенного жанра вообще.¹⁶

Для Феофраста это был скорее эпизод. В школе Аристотеля достаточно явно прослеживалось распределение различных направлений отдельных наук - математики, физики, естественной истории, географии, медицины, грамматики, риторики и т.д. - между «учениками». Один отдавал предпочтение музыкальной теории, исследованию пифагореизма, написанию биографий (Аристоксен), другой – истории математики

---

¹⁴ Аристотель. Риторика, кн. II, гл. XX. И не только о басне вообще, но в том числе и конкретно об Эзопе. В частности, как указывает Ван-Дейк, в несохранившихся «Политиях» - самосской и дельфийской – он обыгрывал уже известные нам эпизоды его биографии.

¹⁵ Диоген Лаэртский. Указ. соч., IX, 7, 34.

¹⁶ Отметим два любопытных обстоятельства.

Во-первых, согласно Диогену, в перечне трудов Демокрита присутствуют трактаты "О священных писаниях в Вавилоне", "Халдейская книга" и "Фригийская книга". Последняя в свете существования версии о коти-эском происхождении Эзопа, содержащейся, кстати, и у Плануда, вызывает особенное любопытство. Фригия соседствовала и соперничала с Ассирией. В период своего упадка она даже называлась провинцией последней, хотя ее настоящими хозяевами тогда вероятнее всего были киммерийцы.

Во-вторых, и Деметрий Фалерский, как указывает доксграф, интересовался обстоятельствами жизненного пути и творчества философа из Абдер. В диогеновской главе о Демокрите (IX, 7) мы находим два подтверждения этому: *«Впрочем, Деметрий Фалерский (в "Апологии Сократа") говорит, будто он вовсе и не приезжал в Афины»... Впрочем, Деметрий говорит, что "Большой Мирострой" читали перед народом его родичи и что в награду он получил только сто талантов».*

(Эвдем), третий – истории цивилизаций и культуры (Дикеарх), сам Феофраст тяготел к доксографии, ботанике, зоологии, этике, политике. Такой подход не исключал пересечений. Дикеарх отчасти дублировал Аристоксена – помимо пифагорейских и биографических изысканий, он писал и о музыке («О музыкальных состязаниях»). За тем же Феофрастом числились двухтомный трактат «О музыке», сочинения «О слоге», «Об ораторском искусстве», «Риторические наставления» и им подобные. И, разумеется, «Акихар».

Возможно, за Деметрием Фалерским тоже «закреплялись» свои области. Он специализировался на политических (включая «О Халкиде», если оно относилось к тем 158 политиям, которые составлялись в Ликее), хронографических (перечень афинских архонтов), филологических и риторических сочинениях. К последним примыкают отдельные антологии. Вообще же антологии, с которыми смыкаются доксографические компендиумы и хронографии, выглядят типовым для Перипата жанровым форматом и отражают своеобразие системных принципов школы. На этом поле отметились сам Аристотель ("Олимпийские победители", "Пифийские победители", "Дионисийские победители", "Театральные списки", "Пословицы"), Феофраст («Мнения физиков»), Эвдем Родосский (его «Истории» - геометрии, арифметики, астрологии, теологии), Аристоксен Тарентский («Пифагорейские изречения», «О Пифагоре и его учениках»), Фаний Эресский («Пританы Эфеса», «Тираны Сицилии», «О сократиках»), Менон («Медицинское собрание»). Так что Деметрий Фалерский со своими «Изречениями» семи древнегреческих мудрецов и сборником басен Эзопа или эзоповского типа вполне вписывается в рабочую практику Ликеев.

Пожалуй, мы располагаем косвенными подтверждениями этому. Федр и Агафий Миринейский говорят о том, что в Афинах как-то воздвигли скульптурную композицию – Эзоп впереди «семи мудрецов». Агафий даже сообщает имя ваятеля. Им был Лисипп. Если учесть, что датой смерти Лисиппа считается примерно стык IV – III веков до н.э., можно допустить, что случилось это во время правления Деметрия Фалерского и с его благословения. Позже сюжет по-своему повторил в «Пире семи мудрецов» Плутарх, который, как известно пользовался трудами Деметрия, считая их вполне благонадежным источником.

Итак, басни перестали быть сугубо устным жанром после опубликования Деметрием Фалерским его собрания. Но полная реконструкция его состава маловероятна, если вообще возможна. И в этом практически все исследователи единодушны.

Не сходятся они в других частностях. Например, Перри против мнения Адрадоса и некоторых других ученых полагал, что изначально своим главным ориентиром при

составлении антологии эзоповых басен Деметрий держал именно риторику и мыслил их как своего рода образцы-прогимнасы. С точки зрения американского ученого, о собственно литературном интересе речь могла бы идти только в случае поэтических переложений прозаических басенных сюжетов.

Довольно спорное суждение. Убеждение относительно того, что в собрании Деметрия не было басен в метрике, опирается в основном на факт, что среди его перечисленных Лаэртским сочинений к поэтическим относились только пэаны в честь Сераписа. Но дело даже не в этом.

Ораторская принадлежность Деметрия Фалерского несомненна. Его включали даже в какие-то версии канона десяти аттических ораторов. Но одной ею целостная и творческая натура Деметрия не исчерпывается. Она гораздо многогранней узкого интереса к риторике, техническим приемам и изобразительным средствам, которыми пользовались в политике или суде. В современном ему эллинском мире он был достаточно широко – не только Кассандру - известен своими штудиями «Илиады» и «Одиссеи» и введением гомеровых в театр (а также, возможно, произведений других авторов, чему крайним с конца примером будет его эссе об Антифане, если имелся в виду плодовитый мастер «средней комедии», а не фантазёр-мифграф из Берги). А потом и инициированием полной гомеровской диортозы. Собственно, с неё началась история знаменитой александрийской филологической и грамматической школы. Это случилось уже в стенах Мусейона с Библиотекой - крупнейшего научного и культурно-просветительского заведения античности, основателем которого он является. Как, ко всему прочему, и возможным автором фундаментального для тех дней трактата «О стиле».¹⁷ Даже если его авторство, подобно идее перевода Торы на греческий язык, только приписывалось Деметрию Фалерскому, объяснение этому только одно - непререкаемый авторитет и репутация признанного ученого в этих областях.

Как бы там ни было, но сложилось именно так, что настоящая письменная литературная и литературоведческая традиции в жанре – вольно или невольно – имеют своей точкой отсчета эзоповскую антологию Деметрия Фалерского. Очевидно, что в ней он выступил не только теоретиком красноречия, не только обычным собирателем или интерпретатором, но и, как минимум, полноправным соавтором, если не автором.

---

¹⁷ И не только. У Лаэртского в перечне сочинений присутствует также «О риторике».